Хирург в цитадели либерализма, Михаил Леонтьев и «Дождь», Исаакий и клерикалы: что общего?

Оригинал статьи

Социолог Алексей Фирсов анализирует, как общество реагирует на «события-провокаторы», которые вызывают волны публичной дискуссии и меняют состояния умов.

Вторая половина января оказалась богатой на провокации. **Первый agent provocateur в этом ряду — визит байкера Хирурга на Гайдаровский форум** и последовавший за ним взрыв либерального осуждения. В отношении мотивов приглашения Хирурга сетевая среда выдвинула две гипотезы: первая — троллинг русского либерализма со стороны администрации президента (к примеру, этой версии придерживается Глеб Павловский), вторая — странная близорукость самих организаторов, в частности Владимира Мау. На фоне полного молчания РАНХиГС — площадки Гайдаровского форума — волна интерпретаций набрала масштаб девятого вала. Для наблюдателей скандал стал индикатором того, что цитадель либерализма дрогнула, в ее стены проник комиссар Мордора.

Причины появления байкера уже более-менее ясны, и они оказались ближе ко второй версии. Администрация президента здесь совершенно ни при чем. Одна из сотрудниц академии пригласила Александра Залдостанова на периферийную секцию, посвященную внутреннему туризму, как эксперта по патриотическому кластеру в Севастополе. Его выступление могло пройти совершенно незамеченным, если бы Вадим Ковалев — денди из Ассоциации менеджеров — не запостил фотографию байкера и затем ее не подхватил Алексей Венедиктов. Так сказать, роль случайности в истории. Но что продемонстрировала

эта случайность?

Во-первых, неумение организаторов форума просчитывать последствия действий, видеть события в сетке причин и следствий. Граница проектирования совпала с границей самого мероприятия, а что там вовне, за пределами, какие последствия сценария могут быть — уже мало кого волновало. Во-вторых, проявление обостренного восприятия самой либеральной средой и массы спрессованных комплексов. Это положение крайне обиженного, загнанного в угол интеллигента, над которым навис хулиган в кожанке. Приходу байкера можно было не придать ровно никакого значения, однако особая ранимость, особая подозрительность к подвохам властей — это симптоматика. Она возникает из особого типа отношений между властью и либеральной средой, который еще ждет своего психоаналитика.

И в-третьих, эпизод показал поразительную слабость собственной коммуникационной политики со стороны либерального центра. Ну хорошо, произошел прокол, с кем не бывает. Но ведь получится явный скандал. Почему он не был отыгран, откуда этот вакуум молчания? От снобизма, от растерянности, от глухоты к социальным шумам? Это тот случай, когда в само мероприятие могут быть вложены серьезные ресурсы, но при этом забыта какая-то малость — хороший коммуникационный сервис, и весь замысел идет под откос. Коллеги из РАНХиГС могут обидеться на этот тезис, но лучше бы они приняли его во внимание. Потому что, когда будут рассылаться приглашения на следующий форум, каждый второй спросит: «А Залдостанова на какой сессии можно будет послушать?» К сожалению, этот случай подтверждает общее наблюдение последних лет: российские либералы не могут пока создать общее коммуникационное пространство ни с населением страны, ни даже со своими базовыми аудиториями.

Прошедшая неделя дала историю еще одной уязвленности. **Пресс-секретарь «Роснефти» Михаил Леонтьев в рабочей переписке предложил** «пройти в…» журналистам телеканала «Дождь», интересовавшимся, почему CEO «Роснефти» Игорь Сечин ездит на автомобиле с мигалкой. Канал профессионально сбросил скриншот

переписки в сеть, и запись сдетонировала, скорее добавляя очков «Дождю» (в этом есть некоторый парадокс: выиграл тот, кого послали). Дело не в личном имидже Леонтьева или проекции этого имиджа на его работодателя, хотя здесь виден колоссальный дисбаланс между масштабом бизнеса и формой его публичного представительства. Автору мема удалось затронуть более глубокие комплексы.

В одном его месседже оказались органично соединены: тема мигалок как острый социальный раздражитель; встроенная в эту тему фраза как жест холодного презрения; и парящий над всем этим Игорь Сечин. Для сетевого обывателя Леонтьев лишь замещающее лицо: фактически это совсем не он направляет аудиторию по указанному направлению. Вообще же, по динамике этой истории чувствуется, что все они нужны друг другу: «Дождь» Леонтьеву, Леонтьев «Дождю», позволяя спарринг-партнеру выполнять свои ролевые функции.

И в этот же контекст попадает совсем другая тема — **решение петербургского губернатора Георгия Полтавченко передать Исаакиевский собор** Русской православной церкви. Можно предположить, что большинство полемистов в этом соборе не были никогда или были один раз, в рамках унылой экскурсионной программы. Как заметил один из культурологов по факту данной полемики, «то, чем они обмениваются, даже не мысли». А **директор Центра социального проектирования «Платформа» Дмитрий Лисицин** так описывает характер конфликта: две группы участников сидят напротив друг друга, но смотрят только внутрь себя, извлекают оттуда свои эмоции и аргументы и сами себе их транслируют.

Никто принципиально не хочет слышать друг друга. Сторонам приписываются те позиции, которые они никогда не занимали. Тема культурного наследия как такового вообще выпала из дискурса; речь только о комплексах — антиклерикальных, с одной стороны, и антилиберальных — с другой. Институтом возможного диалога не стали ни СМИ, ни органы власти. Хотя, конечно, РПЦ могла бы проанализировать, что случилось за 25 лет истории,

почему настроения изменились так радикально: от безусловной общественной поддержки на заре 1990-х до заметного раздражения и критики по поводу даже очевидных и понятных действий.